

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Н.С. СКОРОБОГАТЫХ***Австралийский мультикультурализм:
путь к гражданскому согласию
или к расколу общества?**

Крах советской модели национальной политики – стремительно нараставшая в последние годы существования СССР конфликтность именно на этнической почве – и начавшиеся затем процессы демократического переустройства России усилили потребность в зарубежном опыте решения "извечной" для нашей страны проблемы межэтнического взаимодействия населяющих ее народов. Одним из предлагаемых нам образцов стал **мультикультурализм** – "особая форма интегральной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтнические, поликультурные национальные общества реализуют стратегию социального согласия и стабильности на принципах равноправного существования различных форм культурной жизни" [Куропятник, 2000, с. 19]. Данные принципы, восходящие к документам ООН (Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; Международной конвенции по гражданским и политическим правам 1966 г.; Декларации прав лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и лингвистическим меньшинствам 1992 г.) и решениям региональных международных организаций, составили в настоящее время основу внутренней политики ряда демократических стран: Австралии, Канады, США; в меньшем масштабе – Великобритании, Германии, Швеции.

Знакомство с подобной информацией вызывает, пожалуй, единственное желание: немедленно внедрить у нас такую же модель. Однако, памятуя о том, что некоторые заимствования зарубежного опыта, бездумно перенесенные на российскую почву, давали обратный эффект, представляется целесообразным проанализировать становление и развитие политики мультикультурализма в Австралийском Союзе (АС), последовательно осуществляющем этот курс на практике, и оценить возможность его аналогов в России. Это – основная задача данной статьи.

Демографические и этнокультурные предпосылки мультикультурализма

У читателя, естественно, может возникнуть сомнение в корректности сопоставления австралийской и российской ситуаций. Ведь в случае с Австралией речь идет о классическом иммигрантском обществе и государственном пространстве, организованном без учета этнического фактора. Иное дело – наша страна, в федеративном устройстве которой присутствует этнотерриториальный принцип: компактно живу-

щие "традиционные" ("титulyные") этносы-меньшинства в Российской Федерации обладают субъектностью. Однако, как это ни покажется неожиданным, в действительности у обеих стран в контексте проблемы взаимоотношений большинства и меньшинств теперь немало общего. Интенсивные миграции постсоветского времени "забросили" в РФ не только огромное количество жителей государств СНГ, но и немало выходцев из дальнего зарубежья – Китая, Вьетнама, Афганистана, Эфиопии, Сомали, Нигерии, осевших не только в мегаполисах, но и в сельской местности. И хотя эти люди расселены, как правило, дисперсно, плотность их внутриэтнических контактов позволяет говорить о появлении в России устойчивых групп новых, иммигрантских по своей сути меньшинств. Так что в этом аспекте австралийский опыт политики иммиграции и натурализации, строящийся на базе принципов мультикультурализма, для нас небезынтересен.

Поскольку в научной литературе существует огромное количество определений данного понятия, я заранее хочу конкретизировать его употребление в своей работе. На концептуальном уровне мультикультурализм – это доктрина "*E pluribus unum*"¹, то есть гармоничного взаимодействия носителей различных этнических культур в рамках единого государственного организма. Она исходит из "признания этнического разнообразия как данности и обеспечения прав индивидуумов сохранять свою культуру", чему, впрочем, должна сопутствовать "...приверженность конституционным принципам и разделяемым всеми ценностям, преобладающим в обществе" [Ingalls, 1996, p. 12–13, 16–17]. На уровне реальной политики мультикультурализм – комплекс мер по сохранению и устойчивому развитию этнокультурного своеобразия групп меньшинств, включая недавних иммигрантов, в условиях естественного преобладания культурной среды основного (в нашем случае англо-австралийского) населения, а также искоренению и предотвращению любых форм дискриминации. Подобное поощрение развития этничности недоминирующих общностей (религии, культуры, обычаев и т.п.) должно: а) гармонично обогащать и дополнять все сферы жизни доминирующего общества; б) способствовать групповой интеграции в него меньшинств на базе демократических ценностей большинства.

Обращение АС к такой политике произошло неслучайно и не сразу – с 1970-х гг., когда эта изначально иммигрантская страна столкнулась с проблемой адаптации и интеграции большого количества переселенцев из азиатских стран. До той поры, несмотря на явно выраженную этническую пестроту населения, пополняемого мигрантами не только с Британских островов, но и со всей Европы, австралийский социум в цивилизационном и культурологическом плане был достаточно монолитным. Причиной тому была проводившаяся в стране с конца XIX в. до середины XX в. политика "белой Австралии" – законодательно оформленное ограничение въезда в страну представителей неевропейских народов и предпочтение иммигрантам из Великобритании прочим европейцам, которые, попадая в АС, согласно официальной установке, должны были ассимилироваться².

Не вдаваясь в дискуссию относительно негативных сторон этой политики, порой справедливо критикуемой за ее дискриминационный и противоречивый принципам демократии характер, стоит указать на объективный факт. Несмотря на то, что Австралия никогда не была ни абсолютно "белой", ни тем более англо-кельтской, в ней сложились – во многом благодаря упомянутым ограничениям – не только основы национального (гражданского) единства. Куда важнее, что на базе доминирующей британской культуры сформировалось общеавстралийское культурное пространство с присущей ему системой ценностей, стереотипами, образом жизни и даже

¹ Единство в многообразии. – *Лат.*

² В основе этой политики лежал действовавший с 1901 по 1958 г. Закон об ограничении иммиграции, по которому каждый въезжавший в АС иммигрант должен был пройти тест на знание одного из европейских языков по выбору чиновника иммиграционного ведомства (см. подробнее [Australia... 1975]).

мифами ("товарищество в буше"³; культ "благородного" разбойника Неда Келли и др.) [Castles *etc.*, 1988, p. 8, 12].

Также следует подчеркнуть, что иммиграционный "фильтр" в виде предпочтений англосаксам в контексте внутренней политики АС не превращался в санкционируемое государством притеснение лиц, легально получивших австралийское гражданство, по этническому или расовому критерию (бытовая дискриминация и этнофобии – тема отдельного разговора). Однако условия приема иммигрантов (а из разоренных Второй мировой войной стран в Австралию въезжали многочисленные группы итальянцев, греков, прибалтов, представителей народов Восточной Европы) жестко ориентировали их на адаптацию и последующую аккультурацию⁴. И хотя первые годы пребывания переселенцев на новом месте были нелегкими, особенно для тех, кто не знал английского языка, они достаточно полно интегрировались в австралийский социум.

А вот их дети по параметрам образа жизни, стилю поведения и т.д. становились австралийцами; особенно восприимчивыми к новым реалиям были те, кого воспитывали в духе уважения и признательности к новой родине. Они настолько органично вписались в структуру доминирующего общества, что в послевоенное время их стали называть "новыми австралийцами", основным отличительным признаком которых оставалась разве что религия. Да и тут общие для большинства европейских стран христианские ценности не приводили к культурологическим конфликтам и не порождали серьезных противоречий [Johnston, 1972, p. 242–243; Mackay, 1997, p. 28; Callan, 1986, p. 84]. Иначе говоря, к увеличению в населении АС доли лиц небританского происхождения принимающее общество отнеслось в целом толерантно: культурологически совместимые с ним мигранты из Европы не воспринимались как вызов.

Между тем реалии послевоенного времени заставили австралийских политиков постепенно изменить критерии отбора желательных иммигрантов. Растущей экономике требовались рабочие руки, а страна столкнулась с демографическими проблемами (снижением рождаемости и старением населения). Во внешней политике Австралии приобрел значение фактор обретения позиции регионального лидера в изменившемся в результате распада колониальной системы мире. Первое обстоятельство обратило взоры представителей деловых кругов АС на азиатский рынок труда в расчете, что его представители с "сильной семейной дисциплиной" [Castles *etc.*, 1988, p. 39], трудолюбием и привычкой подчиняться начальству будут выгодно отличаться от австралийских рабочих, защищенных профсоюзами и трудовым законодательством. Второе – привлекло в страну студентов из Азии и Африки. Так что в АС наряду с европейцами стали чаще появляться выходцы из стран третьего мира.

Когда в середине 1960-х гг. их доля в этнической конфигурации социума стала заметной, во внутренней политике Австралии наметились перемены. Хотя категория "этнокультурная дистанция" в политическом лексиконе еще не использовалась, было понятно, что новые группы иммигрантов с неевропейскими культурными традициями столкнулись с труднопреодолимыми барьерами даже на уровне первичной адаптации, а социум-реципиент – с перспективой появления социального балласта: неассимилируемых маргиналов, не способных интегрироваться в систему его связей. В такой ситуации ряд политиков заговорил о курсе, в известной мере идущем вразрез с доминировавшей установкой на культурно-языковую однородность АС. Австралийская нация в отдаленной перспективе виделась "нераздельным целым, без постоянных меньшинств". Однако у первого поколения мигрантов допускалось этническое единство, создававшее на уровне бытовых контактов привычную среду,

³ *Буш* (англ. *bush* – букв. кустарник) – австралийское название сельской округи как оплота традиционных ценностей, противостоящей мегаполису.

⁴ См. комментарий бывшего генерал-губернатора АС сэра З. Коуэна (Age. 13 June 2003). Здесь и далее в круглых скобках ссылка на названия газет и журналов дается без указания авторов публикаций. – *Прим. ред.*

смягчавшее аккультурационный шок [Australia... 1975, p. 48; Castles *etc.*, 1988, p. 51–55, 60]. Иначе говоря, новая адаптационная стратегия по умолчанию признала возможность сохранения новопоселенцами элементов собственной традиции и частичного принятия ими основных социально-культурных норм доминирующего окружения в объеме, диктуемом потребностями взаимодействия с макросоциумом.

Теоретической разработкой этого курса в середине следующего десятилетия занялись австралийские левые интеллектуалы, которые и смоделировали идеологию мультикультурализма. По их мнению, парадигму англо-кельтского доминирования, якобы принижавшую мигрантов из Азии, а потому препятствовавшую их аккультурации и социальной интеграции, следовало заменить моделью многоукладной организации общества, при которой мозаика культур различных народов способствовала их взаимообогащению и дополнению [Multicultural... 2003, p. 48]. Принято считать, что необходимость таких перемен левые обосновывали экономическими потребностями АС в квалифицированной рабочей силе. Это утверждение верно, но неполно. Экономическая заинтересованность, естественно, повлияла на разработку критериев привлечения и отбора с последующим трудоустройством именно таких иммигрантов из Азии [Australia... 1975, p. 162, 247–250]. Но нельзя не принимать в расчет и фактор внешнеполитического имиджа страны как лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, наконец, соображений гуманитарного характера (комплекс мнимой вины за британский колониализм). Из этого, как мы увидим ниже, сложился объем прав, предоставляемых австралийским правительством этническим общинам.

К сожалению, никто из экспертов в то время не ставил вопрос об этнических особенностях нового потока иммигрантов и их культурной совместимости с основной массой населения страны, хотя опыт сложных взаимоотношений белых и коренных австралийцев – аборигенов должен был неизбежно подтолкнуть к нему. Не бралось в расчет и общественное мнение, хотя результаты большинства опросов середины 1960-х – начала 1970-х гг. показывали как минимум настороженное отношение граждан АС к массовому наплыву мигрантов из Азии. Причем лишь 3% опрошенных позитивно отнеслись к идее "сегрегации мигрантов в их собственных этнических группах", а 90% высказались за поощрение новоприбывших "смешиваться с англоговорящими австралийцами" [Australia... 1975, p. 35–48].

Как бы то ни было, перечисленные идеи стали основой многочисленных официальных документов правительства АС в последней трети XX – начале XXI в. (по вопросам культурного плюрализма обе ведущие политические партии страны – либералы и лейбористы – достигли консенсуса). Суть политических программ сводилась к поощрению этнических различий как важнейшего условия будущего развития австралийского общества. Отсюда следовало признание права каждого гражданина АС "на культурную идентичность, социальную справедливость и экономический успех" при условии "лояльности к Австралии и принятия базовых ценностей и принципов демократического общества: Конституции, парламентаризма, верховенства закона, терпимости и равенства, свободы слова и религии, английского как национального языка... права других выражать свои взгляды" [Multicultural... 2003, p. 6–8]. Основная же цель такой политики, кстати, официально разделяемая представителями меньшинств, заключалась в "содействии *социальной гармонии* /австралийского/ общества, состоящего из групп с различной культурой" (курсив мой. – Н.С.) [New... 1999, p. 16].

Эти декларации подкрепляли организационные решения, которые создали особую институциональную структуру мультикультурализма, включавшую:

– **государственные институты** – Министерство по делам иммиграции, мультикультурализма и коренных жителей; Министерство по вопросам гражданства и мультикультуры (с 2003 г.); Управление по делам мультикультуры⁵ и т.д. – разрабатывают

⁵ Названия этих и остальных учреждений варьировались в зависимости от частичных изменений их функций или чередования кабинетов лейбористов и либералов.

общую стратегию содействия развитию этнических сообществ; распределяют бюджетные средства на нужды их культурного развития;

– **публично-правовые учреждения** – Специальная служба радиовещания; Фонд общественного вещания; Управление по муниципальному культурному развитию; Мультикультурный фонд 200-летия Австралии – ответственные за проведение конкретных программ в интересах этнических диаспор Австралии (образование, СМИ на языках меньшинств, помощь многодетным семьям и т.п.);

– **органы местного самоуправления** – осуществляют техническую поддержку культурным инициативам: предоставляют помещения под национальную школу, культурный центр, землеотвод под культовые сооружения и пр. (более полный перечень учреждений см. [Петриковская, 1993, с. 35–40]).

Таким образом, в АС была создана разветвленная, охватывающая все уровни власти система институтов, нацеленных на правовое, интеллектуальное, консультативно-техническое и финансовое содействие представителям этнических меньшинств, которая вдобавок имела устойчивую тенденцию к росту. В 1994 г. для помощи правительству был дополнительно создан Национальный консультативный совет по мультикультурализму (позднее переименован в Совет для мультикультурной Австралии).

Бенефициатами же государственной политики – получателями и распорядителями немалых бюджетных средств, а также грантов и дотаций, выделяемых на нужды их членов, стали **добровольные объединения этнических меньшинств (ДОЭМ)**, входящие в **Федерацию советов этнических общин**. ДОЭМ – не просто проводники правительственной политики, но активный ее субъект: именно они формулируют инициативы содействия прогрессу в культурно-языковой сфере, защищают свои права и статус, а главное, самостоятельно распоряжаются финансами, выделяемыми на организацию этнических школ, на создание культурных центров и т.п. [Inglis, 1996, р. 49–51]. Иначе говоря, по совокупности переданных им полномочий лидеры этих общественных объединений в определенной степени включились в процесс управления обществом.

Эмансипация меньшинств: кто выиграл?

Первичным результатом этих и аналогичных начинаний стало создание в стране "режима наибольшего благоприятствования" для этнических меньшинств: "традиционных" – из Европы, и новых – из Азии. Хотя уровень интереса к сохранению этничности у каждой общности был различным (наименьший – у выходцев из Восточной Европы, максимальный – у приезжих из азиатских стран; средний – у итальянцев, греков и евреев), во всех штатах АС открывались культурные центры диаспор. А они в свою очередь создавали на бюджетные средства школы, библиотеки, неанглоязычные СМИ и т.д. Также за счет государственного финансирования Специальная служба радиовещания обеспечивала мультикультурализм теле- и радиопрограмм. К настоящему времени радиопередачи в Австралии идут на 68 языках, а телетрансляция – на 60 [Yeag... 2003, р. 384]. Представители образованной и преуспевающей верхушки ДОЭМ заняли посты в консультационных и правительственных органах. Одновременно жесткие нормы политкорректности установили, по сути, запрет не только на публичные высказывания, которые могли быть восприняты представителями этнических меньшинств как "обидные", но и на публикацию данных серьезных исследований об их положении, если эта информация могла нанести гипотетический ущерб объекту изучения [Callan, 1986, р. 35].

Впрочем, аппетит приходит во время еды, и этническая Австралия захотела большего. Так, в 1999 г. в рекомендациях № 24–26 Совета для мультикультурной Австралии появилось требование ввести (по аналогии с некоторыми государственными службами) квотированное представительство меньшинств не только во всех публичных и общественных структурах, но и в образовательных учреждениях и даже в частном секторе. И хотя правительство, естественно, отвергло предложение о системе

процентных норм (отказ мотивировался тем, что в круг его полномочий не входит право указывать предпринимателям, кого и на какую должность им брать), тем не менее, в интересах диаспор была развернута Программа партнерства в области продуктивного разнообразия, предусматривавшая ряд поощрительных мер для бизнесменов, отдающих часть рабочих мест этникам [New... 1999, p. 16–18, 23–24].

Столь выгодные условия, конечно же, повысили иммиграционную привлекательность АС. Естественно, в страну по-прежнему въезжали и европейцы, особенно из стран бывшего социалистического лагеря. Но в первую очередь представившимися возможностями воспользовались жители соседних, азиатских стран, миграция из которых в количественном отношении стала преобладающей, поскольку в большинстве случаев въезд их осуществлялся по программе воссоединения семей [Ангелуца, 2001, с. 21]. Сначала это были беженцы из Вьетнама, потом – из Камбоджи и Лаоса, затем – переселенцы из Китая и Индонезии и, наконец, из государств Ближнего и Среднего Востока. В результате в начале нынешнего XXI в. 20% из 19,5 млн граждан АС имеют азиатские корни; 16% пользуются дома своим родным языком (что на 8% больше, чем в 1996 г.) [Year... 2003, p. 132, 146]. Причем в отличие от иных иммигрантов представители азиатских народов предпочитают селиться компактно, и в результате ряд районов в крупных городах приобрел яркую национальную окраску. Во время моего посещения Австралии в 1998 г., по сравнению с впечатлениями от визита семилетней давности, китайские, вьетнамские, турецкие кварталы выделялись визуально – по вывескам, рынкам, манере держаться их обитателей и т.д.

В австралийских СМИ подобная практика обычно дает повод для эйфории: сторонники мультикультурализма видят во всем этом "символ растущей толерантности", а в "связывании австралийского опыта с опытом других стран – краеугольный камень будущего Австралии" [Multicultural... 1991, p. 6]. Отрицать позитивный эффект массовых миграционных потоков, принятых Австралией, невозможно и ненужно. Она, безусловно, приобрела за их счет немало достойных и даже именитых граждан, среди которых – известные бизнесмены, политики, ученые, врачи, деятели искусства, квалифицированные рабочие. Улучшилась и демографическая ситуация: в стране со стареющим основным населением соотношение показателей рождаемости и смертности стало более позитивным. В этом контексте нельзя не отметить и некоторое увеличение количества межрасовых браков, дети от которых, как правило, вполне обоснованно относят себя к австралийцам (Sydney Morning Herald. 6 January 2003). Правда, что касается культурных инноваций, вносимых мигрантами в рутину местной жизни, то их вклад в основном ограничился возросшим разнообразием австралийской кухни и фольклорными фестивалями, регулярно проводящимися в крупных городах АС.

Однако последовательное осуществление АС политики мультикультурализма в последние десятилетия XX в. сопровождалось и значительными издержками. Некоторые из них – классические последствия любой массовой миграции – лежат на поверхности. Например, проблема *нелегального въезда*, обострившаяся с 1999 г., когда Северное побережье страны было буквально атаковано судами индонезийских контрабандистов, перевозивших сотнями выходцев из Афганистана и Ирана, привлеченных слухами о неслыханных благах для беженцев. Стоимость этого нашествия для казначейства Австралии оказалась весьма весомой: бесплатная медицинская помощь, право на которую нелегалы имели до принятия решения о предоставлении им статуса беженца, составляет приблизительно 50 тыс. австрал. долл. (\$) на человека; депортация обходится в 60 тыс. \$А [Ангелуца, 2001, с. 11]. Кроме того, австралийскому налогоплательщику в 2001–2002 гг. пришлось выложить кругленькую сумму на усиленное патрулирование морских границ и строительство 7 лагерей для беженцев, где в 2003 г. содержался 1191 чел.⁶, соответственно, – 635 и 25 млн \$А

⁶ Еще 1575 беженцев были размещены за счет австралийского правительства в соседних островных государствах.

(Bulletin. 13 August 2002, p. 11; 10 September 2002, p. 11; Canberra Times. 4 January 2003).

Нелегальные мигранты, помимо расходов на их содержание, способствовали росту напряженности в австралийском обществе. Хотя пребывание их в лагерях для беженцев полностью соответствовало правилам, установленным ООН [Department...], пресса и некоторые представители этнических объединений моментально стали обвинять правительство в ущемлении прав человека. И чем чаще лагеря посещали инспекции, тем чаще и ожесточеннее вспыхивали там акты неповиновения властям. Бежавшие из-под опеки органов иммиграции нелегалы, прежде всего те из них, кто скрывал по определенным причинам свое истинное прошлое, находили убежище у своих австралийских соотечественников (Age. 6 June 2002; Australian 24–25 August 2002; Bulletin. 26 November 2002, p. 12).

Такие люди обычно пополняли ряды *этнической преступности*. Хотя австралийская политкорректность не допускает публикации официальной статистики на сей предмет, несложно определить, что рост тяжких преступлений (вооруженных нападений, грабежей, торговли наркотиками, групповых изнасилований) среди мужчин в возрастной когорте 17–29 лет последнего десятилетия XX в. преимущественно связан именно с этой категорией населения [Year... 2003, p. 341, 352]. Более свободные в оценках СМИ свидетельствуют о специализации противоправной деятельности среди представителей различных этнических групп. Так, вьетнамцы чаще других замешаны в торговле героином; выходцы из арабских стран "отметились" в области сексуальных насилий. Китайский криминал проявлял себя в нарушениях визового режима, подкупе должностных лиц, масштабных аферах и т.п. Что неудивительно, ибо некоторые из китайских предпринимателей к моменту обретения австралийского гражданства находились в розыске по линии Интерпола по обвинениям в мошенничестве (Bulletin. 22 October 2002, p. 13; Sydney Morning Herald. 1 August 2003).

Еще более серьезным мне представляется тот факт, что издержки политики мультикультурализма не ограничиваются перечисленными поверхностными явлениями, затрагивая более глубокий пласт межкультурного взаимодействия. Созданные властями АС преференции для этнических меньшинств, по существу, изменили формат адаптационных процессов: общинная структура организации диаспор позволила их членам воздерживаться **даже от частичного, внешнего принятия принципиальных и второстепенных требований нового окружения**. В результате австралийское общество, согласившись на мультикультурализм как путь достижения гармоничного единения, столкнулось с "*сегрегацией наоборот*" – добровольным обособлением представителей этнических групп, поддержанием ими культурной дистанции, приводящей к замыканию иммигрантов в рамках их сообществ, нацеленности на "свои" связи, ориентиры и установки, часто далекие от плюрализма и толерантности. Особенно отличаются неприятием последних категорий мусульмане из стран Ближнего и Среднего Востока: по их же собственному утверждению, в рамках их представлений "многие западные реалии не имеют никакой ценности" (Age. 17 June 2003). Получается интересная картина: уезжая от деспотических режимов на своей родине ради преимуществ западной демократии, такие переселенцы выказывают враждебность к присущему ей образу жизни. В такой ситуации принимающая страна вряд ли дождется от них чувства признательности. Характерный пример: по словам преподавателя мусульманской школы, его ученики, родившиеся в АС, считают себя не австралийцами, а ливанцами, сирийцами или турками, хотя мало кто из них бывал в странах, с которыми они себя этнически ассоциируют (Bulletin. 5 November 2002, p. 42).

Стремление существовать в пределах своей этнической ниши стимулирует и процесс *социальной маргинализации*. Как показывает опыт, среди представителей азиатских меньшинств, особенно беженцев, установка на персональный успех и интеграцию в систему связей австралийского социума не стала доминирующей. Естественно, наиболее трудолюбивые и способные иммигранты, в первую очередь молодые, уже в первом поколении сумели сделать в Австралии успешную карьеру.

Большая же их часть по сути дела предпочла статус маргинала – благо, социальная помощь, направляемая ДОЭМ государством, это позволяет. Такие люди обычно образуют в крупных городах мультикультурные кварталы особого типа. Наглядный пример – одно из этнических предместий Мельбурна, где в настоящее время проживает около 1500 обитателей – выходцев из 53 стран, из которых лишь 10% имеют работу. Если добавить к ним 20% матерей-одиночек (особая статья дотаций) и 20% инвалидов, чье право на поддержку неоспоримо, приходится констатировать, что фактически жизнь этого анклава поддерживается за счет фондов социальной помощи и благотворительности центра Иезуитской социальной службы (Age. 7 August 2002).

Вероятно, негативные социальные аспекты мультикультурализма не были бы столь шокирующими, если бы он *оправдал надежды на создание модели толерантных, бесконфликтных межэтнических отношений*. Но более чем тридцатилетний опыт АС показывает, что достичь такого состояния полностью невозможно. Обосновавшиеся в стране мигранты не только привезли из стран исхода старые споры и конфликты (например, продолжающаяся со времени падения Сайгона взаимная враждебность выходцев из Северного и Южного Вьетнама; сербско-хорватские трения и т.п.), но и способствовали возрождению отдельных форм этнической нетерпимости. Так, наплыв приезжих из арабских стран привел к тому, что ныне в Австралии впервые за долгие десятилетия были отмечены публичные проявления юдофобии и осквернения синагог (Bulletin. 30 April 2002, p. 12–13; 3 December 2002, p. 11).

Между тем, этнические компоненты австралийского социума, в том числе и маргинальные, в рамках предоставленных им прав реализуют себя как политические субъекты. Притом, что деятельность ДОЭМ в этой сфере достаточно разнообразна, в ней присутствует и *антидемократическая тенденция*. Наиболее активную и радикальную позицию занимают организации мусульманских народов, с 2003 г. объединившиеся в Австралийскую федерацию исламских советов. Не только через мечети, но и издаваемые ею газеты, сеть книжных магазинов и общеобразовательные учреждения она в основном занята активной пропагандой исламского образа жизни в Австралии (Bulletin. 5 November 2002, p. 41–42; 25 March 2003, p. 18). Более умеренную линию проводят объединения выходцев из Китая. Например, Китайско-австралийский форум заявляет о себе как о "неполитической лоббистской группе професионалов и бизнесменов". Правда, по большей части его усилия направлены не столько на содействие их интеграции в австралийскую экономику, сколько на дальнейшее расширение иммиграции из Китая в АС. С этой целью китайские ДОЭМ вносят немалые суммы на предвыборные расходы ведущих австралийских партий в зависимости от степени приверженности их лидеров к мультикультурализму. В аналогичную деятельность ныне вовлечены и иные этнические сообщества, ведь голоса компактно живущих китайцев, вьетнамцев или ливанцев с конца 1980-х гг. стали оказывать влияние на исход местных выборов – обстоятельство, которое политики не могут не учитывать (Sydney Morning Herald. 20–21 July 2002; 12 June 2003). Одним словом, руководство диаспор, использующее их мобилизационный ресурс, становится реальным игроком на политической арене, активно, с выгодой для себя, лоббируя интересы этнических общин.

Приведенных фактов вполне достаточно для следующего заключения. Кроме представителей меньшинств – основных потребителей пакета социальных благ, от курса мультикультурализма напрямую выиграли разве что австралийские политики, а также чиновники и сотрудники соответствующих государственных и общественных ведомств, получающие немалые зарплаты за его осуществление, но отнюдь не рядовые граждане-налогоплательщики, в перечисленные категории не входящие.

Разнообразие без единства? (Уроки для России)

Итак, австралийский опыт показывает, что гуманные принципы толерантности и культурного плюрализма в реальной практике, к сожалению, имеют тенденцию превращаться в законодательное закрепление за этническими диаспорами дополнительных прав и льгот. В своей совокупности они составляют аналог особого статуса, на преимущества которого теперь пытаются претендовать даже представители таких лишенных какой-либо этнической специфики субкультур, как, например, гомосексуалисты (Bulletin. 12 November 2002, p. 11). Поэтому вместо социального и гражданского единства, ожидаемого обществом, в нем, напротив, четко наметились новые линии раскола, прежде всего по этническому признаку. Как отметил австралийский политолог К. Джопке, установки мультикультурализма, по сути, изначально отвергали универсальные принципы равноправия, выработанные в течение последних столетий западными цивилизациями, ибо строящаяся на такой основе политика "скорее замораживает, чем растапливает границы между группами и культурами в иммигрантских обществах... В торжестве этничности и групповой идентичности теряется единство гражданства" [Joppke, 1995, p. 2–3, 47].

Конечно, глубину линий упомянутого разделения пока не стоит преувеличивать, но большинством населения страны они ощущаются, как минимум, с начала 1990-х гг. Даже во время моего первого посещения страны я не могла не заметить, что в ходе частных, порой и вовсе случайных разговоров австралийцы-старожилы недоумевали по поводу предпочтений, полученных меньшинствами. Затем недовольство курсом на "превращение Австралии в азиатскую страну" вышло на уровень политики. В 1996 г. против мультикультурализма в парламенте открыто выступила его депутат П. Хэнсон. В дальнейшем она создала националистическую по местным критериям Партию единой нации (ПЕН), взяв на вооружение антииммигрантскую, антиазиатскую риторику. Несмотря на уничижительную критику либеральными СМИ и возмущение интеллектуалов "торговкой рыбой из Квинсленда", популярность ее партии быстро росла, достигнув пика в 1998 г., когда ПЕН на выборах в родном штате Хэнсон получила около 10% голосов.

Впрочем, после этого движения крайних националистов пошло на убыль. Их успех встревожил не только традиционно левую интеллектуальную элиту Австралии или представителей диаспор⁷. Политический истеблишмент АС, независимо от партийной принадлежности, также не устраивала активность ПЕН, явно портившая внешнеполитическое реноме страны. Пресса союзных по АСЕАН государств расценила ее как рост популярности идей расизма среди австралийского электората (Straits Times /Singapore/. 14 February 2001). Поэтому Хэнсон и ее сторонники, оказавшиеся вдобавок втянутыми в ряд коррупционных скандалов, были выведены за рамки системной политики.

Проблема, однако, состоит в том, что само по себе быстрое сокращение представительства ультраправых в органах государственной власти не решает проблем сохранения общекультурного и общегосударственного пространства АС. Еще в 1993 г. известный австралийский социолог Х. Маккей предупреждал о перспективе постепенной эрозии его первоосновы [Maskay, 1997, p. 164, 272]. Теперь можно сказать, что в своем нынешнем виде мультикультурализм действительно продолжает работать главным образом на "разнообразие", но не на "единство". И события последних лет – наглядное тому подтверждение.

У рядовых австралийцев, воспитанных в условиях плюрализма (в том числе культурного) и толерантности, продолжают усиливаться недоверие и тревога относи-

⁷ Лидеры китайских общин АС сразу же пригрозили урезать пожертвования в фонд правящей в то время либеральной партии, если она не предпримет мер по обузданию Хэнсон (Иностр. 1996. 5 декабря).

тельно иммиграции из Азии, особенно нелегальной. АС по праву славился традицией приема беженцев: в теперь уже далеком 1979 г. предоставление убежища вьетнамцам одобряли 53% его граждан. А в 2001 г. большинство населения страны (68%) поддержало непривычно жесткую позицию правительства Д. Говарда по отношению к нелегалам; в 2002 г. ее разделяло уже 80% – невиданное для Австралии единство мнений! (Bulletin. 25 September 2001, p. 24; 7 May 2002, p. 17). Пытаясь понять причины этого феномена, представители интеллектуальных кругов Австралии заговорили о глубоком разрыве и взаимном непонимании между культурной элитой страны, придерживающейся акцентировано либеральных воззрений, и ее обывателями [Mann, 2001, p. 15–16]. Существует также и версия, объясняющая рост националистических настроений шоковым эффектом от террористических актов в Нью-Йорке (сентябрь 2001 г.) и на индонезийском острове Бали (октябрь 2002 г.), где погибло около 200 туристов, половина которых была австралийцами.

Не отвергая указанные причины, я все же думаю, что положение вещей нельзя связывать только с "обывательскими предрассудками" и тем более – с резонансом трагедий предыдущих двух лет, так или иначе соотнесенных массовым сознанием с агрессией "азиатов". Скорее всего, многие австралийцы стали менее восприимчивы к правозащитной риторике левой интеллигенции и лейбористов, призывающей к сохранению широкого доступа в страну беженцев от тиранических режимов Востока, на основании обыденного опыта межкультурного взаимодействия. А он, увы, учит, что мультикультурализм породил "широко распространенную враждебность... межэтнические подозрения и недоверие внутри прежде сплоченного общества"; что в АС в угоду политкорректности замалчиваются факты роста этнической преступности и проявлений экстремизма диаспор; что новопоселенцы зачастую не желают разделять базовые ценности основного населения – "разнообразие, терпимость, взаимное уважение и подчинение законам" (Age. 19 December 2001). Иначе говоря, обычный гражданин, возможно, не до конца осознанно, ощущает пока еще латентную угрозу привычному образу жизни, восходящему к перечисленным ценностям.

Поддержка Австралией антитеррористической коалиции, возглавляемой США, ее участие в военных операциях в Афганистане и в Ираке стало еще одним испытанием мультикультурализма на прочность. Так, некоторые лидеры арабской диаспоры АС, пугая обывателя новой волной террора и большими убытками в торговле с арабскими странами, независимо от сокровенных намерений, солидаризировались с пропагандой экстремистских исламских международных организаций и режимом С. Хусейна (Bulletin. 24 September 2002, p. 22; 4 March 2003, p. 24; Japan Times. 14 December 2002). Это, естественно, не добавило им симпатий среди остальных граждан, и в результате разобщенность между людьми только усилилась. Некоторые мои знакомые австралийцы в письмах рассказывают, что боятся употреблять слово "мусульманский" по отношению к террористам, чтобы не раздражать меньшинства и не казаться "расистами". Одновременно, как отмечают некоторые СМИ, среди австралийских мусульман также растет страх перед неизбежной, по их мнению, агрессивностью соседей, из-за чего они стараются не посещать лишний раз ближайший торговый центр (Bulletin. 25 March 2003, p. 16; 1 April 2003, p. 8). Другими словами, опасность, даже не реальная, а иллюзорная, лишь породила новый всплеск взаимных фобий и разобщенности. Поэтому невеселое заключение одного из моих "информаторов": "Мультикультурализм сейчас в беде" – имеет вполне реальные основания.

Теперь обратимся к вопросу о возможности применения данной доктрины и восходящих к ней практик у нас в стране. Проведенный мной критический анализ австралийской модели политики культурной многоукладности, вроде бы, подводит к однозначно отрицательному ответу. Однако я – противница не только ее "клонирования", но и огульного отторжения. Ведь реальность такова: к сожалению или к счастью, население ни России, ни Австралии, где около пятой части граждан имеют азиатские корни, уже не будет гомогенным по составу. Современное демократическое государство не может отгородиться от миграционных потоков, и, следовательно, от "вброса"

инокультурного компонента. А коль скоро этническая гетерогенность – объективная данность, отрицать в настоящее время саму концепцию мультикультурализма непродуктивно. Тем более, Закон о национально-культурной автономии 1996 г. заложил в РФ для него правовые основы.

Иное дело – конкретное содержание такой политики, ибо здесь речь идет о выборе адекватных механизмов взаимной адаптации разнообразных компонентов социума, формированию приемлемых всеми его группами общекультурных норм и стандартов, превращающих статистическую совокупность граждан страны в нацию. В этом аспекте практический опыт АС уже важен для нас демонстрацией того, что политика поддержки культурной многоукладности в нынешнем своем виде – весьма дорогостоящее начинание. Оно требует, помимо больших бюджетных ресурсов, стабильной государственности и развитого гражданского общества как предпосылок ее проведения. Вдобавок мультикультурализм рассчитан на долговременную перспективу: немедленно принести ощутимые положительные результаты он не в состоянии [Inglis, 1996, p. 61–66]. Отсюда четко вырисовываются другие пределы применения у нас аналогичной стратегии. Во-первых, оптимальный уровень ее осуществления – урбанистическая среда, а объект – живущие в ней диаспоры, наиболее уязвимые в этнокультурном плане группы меньшинств. Но никак не "этнические" субъекты РФ, чья компетенция позволяет стимулировать культурное воспроизводство и регулировать межнациональное взаимодействие на их территории, направляя на это часть собственных бюджетов. Во-вторых, нельзя использовать мультикультурную модель в условиях затяжного и ожесточенного национального конфликта (русско-чеченского, осетино-ингушского и т.п.) в качестве средства "пожаротушения".

Как мы могли убедиться, рядовые австралийцы забывают об основной цели мультикультурализма – гражданском единении. Австралийский социолог К. Беттс в связи с этим указывала на важность и необходимость воспитания у людей "чувства причастности к единству нации", естественно, не в расистском, а в культурном значении данной категории, как "чувства общей ответственности за свое коллективное будущее" (Age. 14 December 2001). В этом-то и состоит следующий урок для нас. Основной вектор государственного регулирования межэтнических коммуникаций должен быть направлен не на утирование категории "этническое разнообразие", но на преобладание понятия "национальное единство", невзирая на этнические корни.

Далее, используя формулировку американского политолога М. Уолцера, толерантность – необходимое условие общественного сплочения – должна произрастать на базе приемлемого всеми составляющими социум группами понимания гражданственности и равенства [Уолцер, 2000, с. 124–125]. Существующая же в АС практика мультикультурализма, разумеется, «была предложена австралийскому народу его политическими лидерами как объединяющая формула "национального сообщества". Но в стремлении объять разнообразное культурное наследие изначально содержалась идея, прямо противоположная традиционным воззрениям на национальное единство». Фактически произошла подмена установки на приверженность демократическим институтам и ценностям как базы национального единства идеей самодостаточной ценности культурного или этнического своеобразия [Cunigan, 2002, p. 486]. Несмотря на то, что уровень этнического самосознания индивида может быть более или менее выражен, данная форма групповой идентификации, наряду с иными – перманентная составляющая его мироощущения. В этом контексте австралийский пример также полезен для России, ибо он показывает, как сублимация из самых благородных соображений этноспецифичного оказывает деморализующее воздействие на основное население, реагирующее на нее ростом ксенофобии – питательной среды для политиков-шовинистов.

К сказанному остается добавить ряд соображений по регулированию иммиграции, возникающих при анализе австралийского мультикультурализма. Оно требует большей осторожности в отборе кандидатов на гражданство: сугубо формальные критерии (возраст, образование, профессия, состав семьи) должны дополняться оценкой

этнокультурной дистанции между старожилами и потенциальными новоселами. Ибо именно она, в конечном счете, определяет адаптивные возможности иммигранта. Хотим мы или нет, различия в менталитете каждого этноса существуют, и психологи настоятельно рекомендуют помнить о них при кросскультурных контактах [Степанов, 1998, с. 71]. Стоит в этой связи учесть опыт той же Австралии, явно пренебрегшей данной материей и получившей в результате проблемы не только с первым, но и с последующим поколением мигрантов (вспомним о приведенном ранее примере самоидентификации второго поколения выходцев из арабских стран, не воспринимающих ценности и традиции страны, в которой они родились). Так что неуместными представляются призывы к запредельной либерализации иммиграционной политики и необходимости соответствующей обработки общественного мнения "несознательных" россиян [Тишков, 2003]. Как, впрочем, ошибочными оказались и принятые недавно федеральные законы о гражданстве и о правовом положении иностранных граждан, отсекающие от нас жителей СНГ, – как русских, так и представителей других этносов, не просто желающих поселиться в России, но являющихся в силу исторических причин частью ее культурного пространства. Правда, данная ошибка уже осознана и исправляется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ангелуца П.* Австралия необычайная. Брисбен, 2001.
- Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.
- Петриковская А.С.* Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.
- Степанов С.* Очерки житейской психологии. М., 1998.
- Тишков В.А.* России надо смягчать иммиграционную политику // Известия. 2003. 4 июля.
- Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
- Australia and the Non White Migrants.* Melbourne, 1975.
- Callan V.J.* Australian Minority Groups. Sydney, 1986.
- Castles S., Cope B., Kalantzis M., Morrissey M.* Mistaken Identity. Multiculturalism and the Demise of Nationalism in Australia. Sydney, 1988.
- Curran J.* The "Thin Dividing Line": Prime Ministers and the Problem of Australian Nationalism, 1972–1996 // The Australian Journal of Politics and History. 2002. Vol. 48. № 4.
- Department of Immigration and Multicultural Affairs (DIMA). Fact Sheet 46 // www.immi.gov.au/facts/46protect.hmt.
- Inglis Ch.* Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity. Paris, 1996.
- Johnston R.* Future Australians. Immigrant Children in Perth, Western Australia. Canberra, 1972.
- Joppke Ch.* Multiculturalism and Immigration: a Comparison of the United States, Germany and Britain. Florence, 1995.
- Mackay H.* Reinventing Australia: The Mind and Mood of Australia in the 90s. Sydney, 1993.
- Mackay H.* Generations. Baby Boomers, their Parents and their Children. Sydney, 1997.
- Mann R.* The Barren Years. John Howard and Australian Political Culture. Melbourne, 2001.
- Multicultural Australia: the Challenges of Change.* Melbourne, 1991.
- Multicultural Australia: United in Diversity.* Canberra, 2003.
- New Agenda for Multicultural Australia.* Canberra, 1999.
- Year Book Australia 2003.* № 85. Canberra, 2003.